

© 1990 г.

ДЕСНИЦКАЯ А. В.

О ПОНЯТИИ ВТОРИЧНОГО ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА И О ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ БАЛКАНИСТИКИ

Прошло более 60 лет со времени I Международного лингвистического конгресса (1928 г.), на котором Н. С. Трубецкой впервые сформулировал понятие «языкового союза», противопоставив тем самым историко-типологическое схождение языков генетическому родству, единицей которого является языковая семья. В обоснование своей теоретической новации Трубецкой привел краткие перечни дифференциальных признаков, выявляющих, как он полагал, коренное различие двух типов языковых единств. Представленное таким образом определение самого понятия «языковой союз» с тех пор никогда не пересматривалось, и поэтому кажется уместным привести его здесь в том виде, как оно было впервые сформулировано:

«Группы языков, обнаруживающих большое сходство в синтаксическом отношении, сходство в основах морфологического строения и большое сходство в области культурной лексики, иногда также внешнее сходство звуковых систем — однако никаких систематических звуковых соответствий, никаких соответствий в звуковой стороне морфологических элементов и никакой общности элементарной лексики,— такие языковые группы мы назовем языковыми союзами.

Группы, состоящие из языков, которые обладают значительным количеством общих слов элементарного характера (Elementarwörter), соответствиями в звуковом обозначении морфологических категорий и, прежде всего, постоянными звуковыми соответствиями,— такие языковые группы мы называем языковыми семьями» [1, с. 18].

В качестве образца «языкового союза» тут же было указано на исторически сложившуюся общность балканских языков, которая и до сих пор продолжает быть единственной конкретно разрабатываемой моделью лингвистического понятия «союза», введенного Н. С. Трубецким и получившего с течением времени статус своего рода аксиомы.

Идея «языкового союза» была развита далее на III Международном лингвистическом конгрессе (1933 г.). Считая, что существование балканского союза языков уже неопровержимо доказано Кр. Сандфельдом [2]. М. Малецкий наметил конкретные проблемы, вытекающие из принятия этого положения, а именно: а) какие языки следует считать собственно принадлежащими к балканскому языковому единству, б) какие языковые признаки следует считать специально «балканскими», в) каковы их география и хронология и г) каково происхождение балканской лингвистической общности [3]. В противоположность ясно выраженной Н. С. Трубецким ориентации на чисто типологическое направление балканистических исследований, в те же годы ясно оформилось понимание балканистики как области исследований, включающих разноаспектное изучение языков

всего балканского ареала, с полным охватом всех языковых сфер, с учетом специфики социальных ситуаций языкового общения и с комплексным привлечением данных историко-культурного характера¹.

Хотя развитие этих двух направлений в целом продолжает быть характерным для оживившихся в последние десятилетия исследований в области балканистики, в теоретических выступлениях и дискуссиях вокруг проблемы балканского языкового союза заметно преобладает типологический подход [4—8]. В центре внимания продолжают стоять выдвинутые еще в 1933 г. вопросы, касающиеся критериев отнесения и степени принадлежности отдельных языков к балканскому языковому союзу, а также определения большей или меньшей характерности лингвистических признаков, причисляемых к «балканизмам». Известный интерес обнаруживается к вопросам хронологии появления общепалканских лингвистических признаков и к их географическому распределению. Меньше всего уделяется внимания вопросу о происхождении балканской языковой общности как особого лингвистического⁴ образования. Известным шагом вперед можно считать то, что в настоящее время уже никто не ищет единой исходной причины, определившей конвергентность развития языков балканского ареала. Уже никто не усматривает первооснову образования общепалканских лингвистических признаков в изначальном влиянии древнебалканского субстрата. Идея Кр. Сандфельда, считавшего, что главным источником распространения специфических балканских инноваций был греческий язык византийской поры, также уже не встречает поддержки, тем более, что сам новогреческий в исследованиях последнего времени не относится к числу языков, обладающих наиболее ярко выраженными «балканизмами».

Большинство лингвистов-балканистов сходятся в настоящее время на признании многосторонних языковых контактов решающим фактором, определившим конвергентное развитие языков балканского ареала. Однако в такой общей формулировке и это положение не может считаться удовлетворительным. Будучи весьма неопределенным, оно оставляет открытым вопрос об историческом характере контактов, имевших своим результатом частичные или общие сближения элементов языковых систем. Недостатком современной теоретической балканистики, развивающейся под знаком типологически ориентированной концепции «языкового союза», является, на мой взгляд, излишнее увлечение общими дефинициями и заметная оторванность от исследований по конкретной истории языков и народов балканского региона. Между тем эти исследования за последние десятилетия значительно продвинулись вперед и тем самым дают возможность более глубокого проникновения в сущность, условия протекания и хронологические соотношения процессов, которые приводили к образованию тех более общих и более частных черт сходства, которые дают основание говорить о балканском «языковом союзе». В этой связи встает необходимость пересмотра того перечня признаков, на котором в свое время Н. С. Трубецкой построил определение понятия «языковой союз».

Поскольку речь идет собственно о чисто лингвистических признаках соотношения тех языков, которые могут быть объединены в группировку особого, вторичного по своему образованию характера, необходимо прежде всего заметить следующее: факт принадлежности балканских языков

¹ См. содержание номеров журнала «Revue internationale des études balkaniques» за 1934—1938 гг., издававшегося М. Будимиром и П. Скоком.

к индоевропейской семье не является в данном случае столь безразличным, как это хотелось бы считать сторонникам идеи образования языковых союзов на базе генетически разнородного языкового материала. Заложённые в далеком прошлом тенденции параллельного развития систем исконно родственных языков могли стимулировать единую направленность инновационных процессов в благоприятных условиях длительного и тесного контактирования этих ранее разошедшихся систем, содействовать их более активной конвергенции. Разумеется, это не исключает возможности влияния таких систем на системы вовлекавшихся в сферу контактов языков иного происхождения, с иными типами структур.

Согласно приведенному выше определению Н. С. Трубецкого, одним из признаков «языкового союза» должно являться полное отсутствие «общности элементарной лексики». Уже в самом факте наличия в словарных составах новых индоевропейских языков, относимых к балканскому лингвистическому союзу, целого ряда унаследованных от древности общих лексических элементов, казалось бы, обнаруживается несоответствие с установленным критерием объединения этих языков именно под знаком «союза». Можно согласиться, однако, с тем, что Н. С. Трубецкий имел известные основания пренебречь указанным противоречием, поскольку здесь речь идет об очень древнем лексическом слое, наличие которого, возможно, не столь релевантно для суждения о лингвистических процессах и явлениях относительно более позднего времени. И тем не менее изучение актуальных лексических связей, исторически сложившихся между балканскими языками, обнаруживает полную несостоятельность лексического критерия принадлежности этих языков к общности, обозначаемой термином «союз», предложенным в определении Н. С. Трубецкого.

Сравнение словарного состава восточнороманских, албанского, болгарского и македонского языков, составляющих, согласно установлению балканистов-типологов, центр, или ядро, балканского языкового союза [8], обнаруживает, особенно в их двусторонних связях (восточнороманско-славянских, славяно-албанских, албано-восточнороманских), большое количество общих слов из области именно элементарной лексики, которые не унаследованы от индоевропейского состояния, но приобретены в результате лингвоэтнических процессов в географических и исторических пределах балканского региона. Проведенное Н. С. Трубецким противопоставление негативного признака — отсутствия общности элементарной лексики — позитивному — сходству в области культурной лексики, — таким образом, теряет свою значимость, особенно если учесть, что бывший ему известным список лексических соответствий, анализируемых в труде Кр. Сандфельда [2], основан на в значительной степени устаревших и далеко не полных данных.

Более глубокое изучение двусторонних связей между балканскими языками ставит под сомнение также другой негативный признак «языкового союза», имеющий в формулировке Н. С. Трубецкого решающее значение, а именно — «отсутствие систематических звуковых соответствий». Если обратиться к одной из самых сложных проблем истории языков балканского региона — к вопросу об исторических отношениях восточнороманских и албанского языков, то между этими языками, при наличии очень большого количества лексических соответствий, обнаруживается и ряд более или менее регулярных фонетических соответствий. Характер сходств, выявляющихся при историко-сравнительном сопоставлении, в частности румынского языка с албанским, позволяет поставить вопрос

не просто о конвергентном развитии их в условиях исторических контактов, но о языковом родстве вторичного характера, образовавшемся в результате определенных этноисторических процессов. Этот тип родства обнаруживается и в общности определенных слоев элементарной лексики, в которых выявляется известная закономерность фонетических соответствий, и в большом сходстве некоторых историко-фонетических процессов, и даже иногда в фонетической идентичности некоторых формативов (флексий).

Таким образом, оказывается, что отношение, исторически сложившееся между языками, составляющими значительную часть балканской лингвистической общности, своими признаками более подходит под вторую часть антитезы, содержащейся в определении Н. С. Трубецкого, т. е. соответствует признакам не «союза», но «семьи». Установление такого факта, естественно, должно повлечь за собой пересмотр ставшей уже традиционной трактовки понятия «языковой союз». Не снимая в принципе этого понятия, оно подчеркивает значительную сложность исторических процессов, результатом действия которых на протяжении относительно близких к нашему времени исторических периодов явилось образование новой лингвистической общности, в некоторых отношениях сопоставимой с лингвистическими общностями, слагавшимися в доисторические эпохи.

★

Вопрос об историческом отношении восточнороманских и албанского языков теснейшим образом связан с проблемой их образования. Обращаясь к этой сложной теме, я заранее отвлекаюсь от рассмотрения точек зрения и контрверз, существующих относительно возможных территорий первоначального образования и распространения соответствующих этносов. Дискуссии по этим вопросам слишком отягощены эмоциональными акцентами. Главное же для меня состоит в том, что гипотетическая «привязка» определенных лингвоэтнических процессов к тем или иным конкретным участкам балканского географического пространства в сущности ничего не меняет в определении языковых компонентов, послуживших основой образования самих указанных языков с характерными для них чисто лингвистическими особенностями.

Если считать временем образования восточнороманских и албанского языков I тыс. н.э. (в основном первую его половину), то исходными данными, на которых можно строить необходимые при решении этой проблемы гипотезы, являются следующие не вызывающие сомнений факты: 1) существование на Балканском п-ове до завоевания его Римом целого ряда индоевропейских языков (помимо греческого), которые, вероятно, объединялись между собой более или менее близкими отношениями родства, причем признак деления на языки типов *sentum* и *satem* мог не играть решающей роли. Непосредственным продолжением одного из палеобалканских языков (скорее всего иллирийского) является албанский. Элементы другого (дако-мизийского или дако-фракийского) вошли, в качестве субстратного слоя, в сложившиеся на народнолатинской основе восточнороманские языки; 2) процесс романизации, в результате которого значительная часть древнего населения Балканского п-ова оказалась в языковом отношении ассимилированной; 3) распад Римской империи и сопровождавшие его движения и переселения этнических масс.

Вопросы образования восточнороманских и албанского языков широко обсуждаются и дискутируются в научной литературе [9—11].

Моя трактовка этой проблемы, подробно излагаемая в другой работе [12], кратко сводится к следующему: в основу албанского языка легли два языковых слоя, имеющих иллирийское происхождение: а) сильно романизованная речь иллирийского населения частей современной албано-язычной территории, непосредственно входивших в сферу римской колонизации (равнины Адриатического приморья, плодородные долины рек); б) менее затронутая римским языковым влиянием речь полунезависимых горных племен, консолидировавшихся в условиях распада Западной римской империи и образовавших единую народность, в которую вошло также романизованное иллирийское население равнин и долин. Таким образом, при образовании албанского языка, которое можно датировать первой половиной I тыс. н.э., помимо унаследованной иллирийской основы, играл свою роль также сильно романизованный вариант иллирийской речи.

С восточнороманскими языками албанский генетически соотносится двумя своими компонентами. Иллирийская основа албанской речи находит соответствия в субстратных палеобалканских элементах восточнороманских языков. Романский слой албанской лексики связан значительным рядом соответствий с латинской основой восточнороманской речи, причем соответствия эти не представляют зеркального отражения — ни в отношении количества совпадающих элементов, ни в отношении тождеств и различий их звуковой стороны. Именно в такой неполноте отражения перед нами выступает обычная картина соответствий между языками, обнаруживающими известную степень материального родства. Однако в данном случае родство оказывается не изначально заложенным и унаследованным, но вторично образовавшимся.

*

В трудах по истории румынского языка приводятся формулы звуковых соответствий, выделяемые при сопоставлении палеобалканских элементов лексики восточнороманских и албанского языков [9, с. 261—264]. Некоторые из этих соответствий² подтверждаются достаточно репрезентативными группами примеров. Таковы, в частности, коррелирующие соответствия рум. *z* — алб. *dh* [d] и рум. *s* — алб. *th* [θ]. Ср.: рум. *zara* «пахта» — алб. *dhalle* тж.; рум. *barza* «ант» (собств. «белая птица») — алб. *i bardh* «белый»; рум. *viezure* «барсук» — алб. *vjedhull* тж.; рум. *mazare* «горох» — алб. *modhulle* «дикорастущее растение с семенами в виде горошка»; рум. *cursa* «капкан» — алб. *kurth* тж.; рум. *slmbure* «косточка, ядро» — алб. *thumbulle* «пуговка в виде шарика».

Очень характерно соответствие рум. *г* — алб. *И* [j], представленное в некоторых из вышеприведенных примеров. Ср. еще: рум. *abur* «пар» — алб. *avull* id.; рум. *mugur* «почка (растения)» — алб. *mugull* тж.

Соответствие это достаточно регулярно прослеживается также на лексическом материале латинского происхождения, причем возможность сопоставления с общероманскими исходными формами позволяет заключить, что в восточнороманских формах с *г* засвидетельствована специфическая инновация, в то время как албанские формы сохраняют этимологически на-

² Имеются в виду в первую очередь соответствия дифференциального характера. Соответствий тождества (*p* ~ *p*, *n* = *n* и др.) много, но они менее релевантны при решении данного вопроса, т. е. бывают характерны и для обычных процессов лексического заимствования.!

чальное состояние. Например: рум. *ceg* «небо» (< лат. *caelum*) — алб. *qiell* [kielj]; рум. *fir* «нить» (<С лат. *flum*) — алб. *fill*; рум. *bour* «зубр» (< лат. *bubalus*) — алб. *buall* «буйвол»; исторорум. *cordmbe* «терн» (<; лат. *columba* — название по признаку белизны цветения) — алб. *kullumbri* «боярышник»; рум. *porumb* «голубь» (< *palumbus*) — алб. *pellumb* т.ж.; рум. *nger* «ангел» (< лат. *angelus*) — алб. *engjell* т.ж.; рум. *mdscur* «дикий кабан, хряк» (< лат. *masculus* «самец») — алб. *mashkull* «самец»; рум. *padure* «лес» (< лат. *padulem* = *paludem*, от *palus*) — алб. *pyll* т.ж.; рум. *popbz* «народ» (< лат. *populus*) — алб. *popull* т.ж.; рум. *prier* «апрель» (< лат. *aprilis*) — алб. *prill* т.ж.; рум. *scdra* «лестница» « лат. *scala*) — алб. *shkalle* т.ж.

Можно отметить также сходную направленность некоторых фонетических процессов, характерную для родственных языков, например, явлений дифтонгизации, ротацизма, палатализации и др.

Специфическая близость восточнороманских и албанского языков проявилась и в процессе исторического переформления систем именного склонения, например, в таком факте, как использование при образовании основ мн. числа существительных палатализации, вызванной воздействием отпадавшего конечного форманта *-i. Ср. рум. *urs* «медведь» — мн. ч. *urși* (-i не произносится); *amik* «друг» — *amici*; *grumaz* «шея» — *grundjii bajat* «мальчик» — *bafevi*; *var* «двоюродный брат» — *veri*. Алб. *zog* «птица» — мн. ч. *zogj* (<з *zogi); *mik* «друг» — *miq* (< *miki); *bujk* «земледелец» — *bufq* (*< *bulki) *hyll* «звезда» — *hyi* (< *hyli); *plak* «старик» — *pleq* (*< *plaki); *dash* «баран» — *desh* (<С *dasi).

Сходство в оформлении и в семантике системы артиклей настолько велико, что уже само по себе дает основание предполагать общность раз-
вития, на что указал в свое время Э. Чабей [13].

*

Заканчивая на этом краткий обзор фактов, относящихся к исторически сложной и многоаспектной проблеме отношения албанского языка к восточнороманским, замечу лишь, что наряду с традиционной однолинейной концепцией языкового родства, получившей наиболее яркое выражение в трудах А. Мейе по теории сравнительного языкознания, имеет право на существование также более широкая трактовка языкового родства, предложенная 40 лет назад выдающимся советским лингвистом Л. П. Якубинским. «В отличие от Мейе,— писал Якубинский,— мы даем иное определение родственных языков: два или несколько языков называются родственными, когда они связаны конкретной исторической взаимосвязью в процессе своего генезиса» [14].

Если говорить о «вторичном родстве», объединившем албанский с восточнороманскими языками, то генезис этих языков (в их исторически сложившемся виде) хронологически может быть отнесен к первой половине I тыс. н. э., когда в условиях распада Западной римской империи осуществлялись этноисторические процессы, приведшие к образованию новых народностей с их дошедшими до нового времени языками.

Для процессов образования более широкой лингвистической общности, получившей в науке наименование «балканский языковой союз», вторичное языковое родство, объединяющее часть языков, входящих в эту общность, может быть, как мне кажется, признано одним из существенно важных факторов. Разумеется, этим никак не снижается важность действия других факторов, связанных с процессами контактирования балканских

народов и их языков в периоды совместного существования в рамках Византийской, а позднее — Турецкой империй. Нельзя недооценивать значение культурных и языковых влияний, выразившихся в широком распространении общей лексики культурного характера, а также в калькировании синтаксических конструкций, приводившем к выработке общих особенностей синтаксического строения. Иными словами, не может быть единого решения вопросов, связанных с историей образования балканской языковой общности. История эта подлежит изучению во всей множественности действовавших в ней факторов, притом с полным учетом специфики процессов, характерных для отдельных частей балканского лингвистического ареала и для отдельных периодов исторической жизни населяющих его народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Trubetzkoy N. S.* [Reponse a la question]: «Etablissement et delimitation des termes techniques. Quelle est la traduction exacte des termes techniques dans les differentes langues (français, anglais, allemand)?» // Actes du Premier Congrès intern. de linguistes a la Haye du 10—15 avril 1928. Leiden, 1930. P. 18.
2. *Sandfeld K.* Linguistique balkanique. Problemes et resultats. P., 1930.
3. *Malecki M.* Osservazioni sull'unione linguistica balcanica // Atti del III congr. intern. dei linguisti (Roma, 1933). Firenze, 1935. P. 73.
4. *Birnbaum H.* Balkanslavisch und Sudslavisch // Z. für Balkanologie. 1965. III.
5. *Birnbaum H.* Tiefen- und Oberflächenstrukturen balkanlinguistischer Erscheinungen // Ziele und Wege der Balkanlinguistik. B., 1983.
6. *Georgiev V.* Le probleme de l'unité linguistique balkanique // Actes du Premier Congrès intern. des études balkaniques et sud-est européennes. VI. Sofia, 1966.
7. *Цивьян Т. В.* Имя существительное в балканских языках. М., 1965.
8. *Schaller H. W.* Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie. Heidelberg, 1975.
9. *Rosetti A.* Istoria Limbli romane. Bucuresti, 1968.
10. *Ga/nilshcheg E.* Zur rumanischen Frühgeschichte // Die Kultur Südosteuropas, ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen. Wiesbaden, 1964.
11. *Reichenkron G.* Vorrömische Elemente im Rumanischen. // Die Kultur Südosteuropas, ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen. Wiesbaden, 1964.
12. *Десницкая А. В.* К проблеме образования албанского языка и албанской народности // Албанская литература и албанский язык. Л., 1987. С. 204—252.
13. *Cabej E.* Unele probleme ale istoriei limbii albaneze // Stud, si cerc, lingv. 1959. X. 4. P. 531.
14. *Якубинский Л. П.* Образование народностей и их языков // Вестник ЛГУ. 1947. I. С. 139 и ел.